

Афанасий Афанасьевич Фет (1820-1892)

Отче наш

Чем доле я живу, чем больше пережил,
Тем повелительней стесняю сердца пыл,
Тем для меня ясней, что не было от века
Слов, озаряющих светлее человека:
Всеобщий наш Отец, Который в небесах,
Да свято имя мы Твое блюдем в сердцах,
Да придет Царствие Твое, да будет воля
Твоя как в небесах, так и в земной юдоли.
Пошли и ныне хлеб обычный от трудов,
Прости нам долг, - и мы прощаем должников,
И не введи Ты нас, бессильных, в искушенье,
И от лукавого избави самомненья.

* * *

Я не ропщу на трудный путь земной,
Я буйного не слушаю невежды:
Моим ушам понятен звук иной,
И сердцу голос слышится надежды
С тех пор, как Санцио передо мной
Изобразил Склоняющую вежды,
И этот лик, и этот взор святой,
Смиренные и легкие одежды.
И это лоно Матери, и в нем
Младенца с ясным, радостным челом,
С улыбкою к Марии наклоненной.
О, как душа стихает вся до дна!
Как много со святого полотна
Ты шлешь, мой Бог, с Пречистою Мадонной!

* * *

Ночь тиха. По тверди зыбкой
Звезды южные дрожат.
Очи Матери с улыбкой
В ясли тихие глядят.
Ни ушей, ни взоров лишних, -
Вот пропели петухи -
И за ангелами в вышних
Славят Бога пастухи.
Ясли тихо светят взору,
Озарен Марии лик.
Звездный хор к иному хору
Слухом трепетным приник, -

И над Ним горит высоко
Та звезда далеких стран:
С ней несут цари Востока
Злато, смирну и ливан.

* * *

Ночь. Не слышно городского шума.
В небесах звезда - и от нее,
Будто искра, заронила дуга
Тайно в сердце грустное мое.

И светла, прозрачна дума эта,
Будто милых взоров меткий взгляд;
Глубь души полна родного света,
И давнишней гостье опыт рад.

Тихо все, покойно, как и прежде;
Но рукой незримой снят покров
Темной грусти. Вере и надежде
Грудь раскрыла, может быть, Любовь?

Что ж такое? Близкая утрата?
Или радость? - Нет, не объяснишь, -
Но оно так пламенно, так свято,
Что за жизнь Творца благодаришь.

* * *

Звезда сияла на востоке,
И из степных далеких стран
Седые понесли пророки
В дань злато, смирну и ливан.
Изумлены ее красою,
Волхвы маститые пошли
За путеводную звездою
И пали до лица земли.
И предо мной, в степи безвестной,
Взошла звезда Твоих щедрот:
Она свой луч в красе небесной
На поздний вечер мой прольет.
Но у меня для приношенья
Ни злата, ни ливана нет, -
Лишь с фимиамом песнопенья
Падет к стопам Твоим поэт.

* * *

Когда Божественный бежал людских речей
И празднословной их гордыни,
И голод забывал и жажду многих дней,
Внимая голосу пустыни,
Его, взалкавшего, на темя серых скал
Князь мира вынес величавый:
"Вот здесь, у ног Твоих, все царства, - он сказал, -
С их обаянием и славой! -
Признай лишь явное, пади к моим ногам,
Сдержи на мне порыв духовный, -
И всю эту красу, всю власть Тебе отдам
И покорись в борьбе неравной."
Но Он отвечивал: "Писанию внимли:
Пред Богом Господом лишь преклоняй колени."
И сатана исчез, - и ангелы пришли
В пустыне ждать Его велений.

* * *

Ангел, и лев, и телец, и орел -
Все шестикрылые - держат престол,
А над престолом, над тем, кто сидит,
Радуга ярким смарагдом горит.
Молнии с громом по небу летят,
И раздаются из них: "Свят, свят, свят!"
Вот пронсящийся ангел трубит.
С треском звезда к нам на землю летит,
Землю прошибла до бездны глухой,
Вырвался дым, как из печи большой.
Медными крыльями грозно стуча.
Вышла из дыма с коня саранча.
Львиные зубы, коса как у жен,
Хвост скорпионовым жалом снабжен.
Царь ее гордой сияет красой,
То Аваддон, ангел бездны земной.
Будут терзать вас и жалить - и вот
Смерть призовете, и смерть не придет;
Пусть же изведает всякая плоть,
Что испытания хочет Господь!

* * *

Когда кичливый ум, измученный борьбою
С наукой вечною, забывшись, тихо спит,
И сердце бедное одно с самим собою,
Когда извне его ничто не тяготит,
Когда, безумное, но чувствами всеильно,

Оно проведает свой собственный позор,
Бестрепетностию проникнется могильной
И глухо изречёт свой страшный приговор:
Страдать, весь век страдать бесцельно, безвозмездно,
Стараться пустоту наполнить - и взирать,
Как с каждой новой попыткой глубже бездна,
Опять безумствовать, стремиться и страдать, -
О, как мне хочется склонить тогда колени,
Как сына блудного влечёт опять к Отцу! -
Я верю вновь во всё, - и с шёпотом моления
Слеза горячая струится по лицу.

1842

* * *

Как ангел неба безмятежный,
В сияньи тихого огня
Ты помолишь душою нежной
И за себя и за меня.
Ты от меня любви словами
Сомненья духа отжени
И сердце тихими крылами
Твоей молитвы осени.

1843

* * *

Тихо ночью на степи;
Небо ей сказало: спи!
И курганы спят;
Звезды ж крупные в лучах
Говорят на небесах:
Вечный - свят, свят, свят!
В небе чутко и светло.
Неподвижное крыло
За плечом молчит, -
Нет движенья; лишь порой
Бриллиантовой слезой
Ангел пролетит.

1847

* * *

Не тем, Господь, могуч, непостижим
Ты пред моим мятущимся сознанием,
Что в звездный день Твой светлый серафим
Громадный шар зажег над мирозданием.

И мертвецу с пылающим лицом
Он повелел блюсти Твои законы,
Все пробуждать живительным лучом,
Храня свой пыл столетий миллионы.

Нет, Ты могуч и мне непостижим
Тем, что я сам, бессильный и мгновенный,
Ношу в груди, как оный серафим,
Огонь сильней и ярче всей вселенной.

Меж тем как я - добыча суеты,
Игралище ее непостоянства, -
Во мне он вечен, вездесущ, как Ты,
Ни времени не знает, ни пространства.

1879

1 марта 1881 года

День искупительного чуда,
Час освящения креста:
Голгофе передал Иуда
Окровавленного Христа.

Но сердцеведец безмятежный
Давно, смиряясь, постиг,
Что не простит любви безбрежной
Ему коварный ученик.

Перед безмолвной жертвой злобы,
Завидя праведную кровь,
Померкло солнце, вскрылись гробы,
Но разгорелась любовь.

Она сияет правдой новой, -
Благословив ее зарю,
Он крест Свой и венец терновый
Земному передал царю.

Бессильны козни фарисейства:
Что было кровью, то стало храмом,
И место страшного злодейства
Святыней вековечной нам.

* * *

Мой друг, я верую, надеюсь и люблю
И убежденья полон силы,
Что всё, чем опытность снабдила грудь мою,
Дойдёт со мною до могилы,

Что знамя истины, которому служу,
Вокруг меня овеет рати,
Что с тайной гордостью его я покажу
Толпе неверующих братий.

И что же? Новый день нисходит от Творца.
И убежденья величавы
Бледнеют видимо, как за спиной косца
Грядами скошенные травы.

1848

* * *

Когда у райских врат изгнанник
Стоял унижен, наг и нем,
Предстал с мечом небес посланник
И путь закрыл ему в Эдем.

Но, падших душ услыша стоны,
Творец мольбе скитальца внял:
Крылатых стражей легионы
Адама внукам он послал.

Когда мы бьёмся из-за хлеба,
В кровавом поте чуть дыша,
Чтоб хоть одна с родного неба
Нам улыбнулась душа.

Но и в кругах духов небесных
Земные стоны сочтены,
И силой крыльев бестелесных
Еговы дети не равны.

Твой ангел - перьев лебединых
Не распускает за спиной:
Он на крылах летит орлиных,
Поникнув грустно головой.

В руке пророческая лира,
В другой - горящий Божий гром;
Так на твоём в пустыне мира
Он камне станет гробовом.

1856(?)

В альбом

В первый день Пасхи

Победа! Безоружна злоба.
Весна! Христос встаёт из гроба, -
Чело огнём озарено.
Всё, что манило, обмануло
И в сердце стихнувшем уснуло,
Лобзаньем вновь пробуждено.

Забыв зимы душевный холод,
Хотя на миг горяч и молод,
Навстречу сердцем к вам лечу.
Почуя неги дуновенье,
Ни в смерть, ни в грустное забвенье
Сегодня верить не хочу.

8 апреля 1857

Stabat Mater

Мать Скорбящая стояла
И в слезах на крест взирала,
На котором Сын страдал.
Сердце полное волненья,
Воздыханий и томленья
Меч в груди Ее пронзал.

Что за скорби и печали
Благодатную терзали
Матерь Просветленного.
Как страдала, как дрожала,
Как в терзаньи созерцала
Муки Ей рожденного.

Кто без слёз бы мог суровый
Видеть Матери Христовой
Слезы несравненные?
Кто бы мог без сожаленья
Встретить Матери мученья,
С Сыном разделенные?

Ради грешных искупленья
Зрит Она Христа мученья,
От бичей Грядущего
Дорогого видит Сына,
Как гнетет Его кончина,
Дух свой предающего.

Мать, любви источник вечный,
Дай из глубины сердечной
Слезы мне делить с Тобой.
Дай и мне огня, так много
Возлюбить Христа и Бога,
Чтоб дозволен был Он мной.

Мать Святая, в дар чудесный
Все Ты язвы смерти крестной
Мне на сердце впечатли.
Дай Ты мне, чтобы кручина
За меня Страдальца Сына
Разлилась в душе моей.

Дай мне плакать, дай терзаться,
О Распятом сокрушаться
Век, пока я жизнь влачу.
У креста стоять с Тобою
И к Тебе припав душою
Ударять я в грудь хочу.

Дева всех страданий, Мати,
В милосердьи благодати
Дай с Тобою мне страдать.
Дай распятия Христова
Стань сообщником мне снова
Раны все воспринимать.

Пусть хоть бич меня терзает,
Крест во мне воспламеняет
Всю любовь к Страдавшему.
Дай пылать святой отрадой
Будь, о Дева, мне оградой
В судный день представшему.

Крест мою пусть силу множит,
Смерть Христа мне да поможет
Ревностью безбедному,
Как остынет в смерти тело,
Что б душа моя взлетела
К раю заповедному.

* * *

Как нежишь ты, серебряная ночь,
В душе расцвет немой и тайной силы!
О, окрыли - и дай мне превозмочь
Весь этот тлен бездушный и унылый!

Какая ночь! Алмазная роса
Живым огнём с огнями неба в споре,
Как океан, разверзлись небеса,
И спит земля - и теплится, как море.

Мой дух, о ночь, как падший серафим,
Признал родство с нетленной жизнью звёздной
И, окрылён дыханием твоим,
Готов лететь над этой тайной бездной.

1865(?)

* * *

Чем доле я живу, чем больше пережил,
Чем повелительней стесняю сердца пыл, -
Тем для меня ясней, что не было от века
Слов, озаряющих светлее человека:
Всеобщий наш Отец, Который в небесах,
Да свято имя мы Твоё блюдем в сердцах,
Да придет Царствие Твоё, да будет воля
Твоя как в небесах, так и в земной юдоли.
Пошли и ныне хлеб обычный от трудов,
Прости нам долг, - и мы прощаем должников,
И не введи Ты нас, бессильных, в искушенье,
И от лукавого избави самомненья.

Между 1874 и 1886

Н.П.Боткину

"Христос воскрес!" - клик весенний.
Кому ж послать его в стихах,
Как не тому, кто в дождь осенний
И в январе - с цветком в руках?

Твои букеты - вести мая,
Дань поклоненья красоте.
Ты их несёшь, не забывая
О тяжком жизненном кресте.

Но ныне праздник искупленья,
Дни обновительных чудес, -
Так будь здоров для поздравленья,
Твердя: "Воистину воскрес!"

31 марта 1879

* * *

Молятся звезды, мерцают и рдеют,
Молится месяц, плывя по лазури,
Легкие тучки, свиваясь, не смеют
С тесной земли к нам притягивать бури.

Видны им наши томленья и горе,
Видны страстей неподильные битвы,
Слезы в алмазном трепещут их взоре,
Все же безмолвно горят их молитвы.

* * *

Дух всюду сущий и единый
Державин

Я потрясен, когда кругом
Гудят леса, грохочет гром,
И в блеск огней гляжу я снизу,
Когда, испугом обуян,
На скалы мечет океан
Твою серебряную ризу.
Но, просветленный и немой,
Овеян властью неземной,
Стою не в этот миг тяжелый,
А в час, когда, как бы во сне,
Твой светлый ангел шепчет мне
Неизреченные глаголы.
Я загораюсь и горю,
Я порываюсь и парю
В томленьях крайнего усилья
И верю сердцем, что растут
И тотчас в небо унесут
Меня раскинутые крылья.

29 августа 1885

Мадонна

Я не ропщу на трудный путь земной,
Я буйного не слушаю невежды:
Моим ушам понятен звук иной,
И сердцу голос слышится надежды

С тех пор, как Санцио передо мной
Изобразил склоняющую вежды,
И этот лик, и этот взор святой,
Смирненные и лёгкие одежды,

И это лоно матери, и в нём
Младенца с ясным, радостным челом,
С улыбкою к Марии наклонённой.

О, как душа стихает вся до дна!
Как много со святого полотна
Ты шлешь, мой Бог, с пречистою Мадонной!

1842

Тоска по невозвратном

Опять в душе минувшая тревога,
Вновь сердце просится в неведомую даль,
Чего-то милого мне больно-больно жаль,
Но не дерзну его просить у Бога.

И вновь маню высокий идеал,
И снова жизнь мне грезится иная:
Так грешник-праотец, проснувшись, искал
Знакомых благ утраченного рая!

1840

Горы

Ода

Стою у каменной стремнины,
Мне этот воздух незнаком,
Но сердце радуют картины
Своим пестреющим венком:
Внизу - гулливые долины,
И речка блещет серебром...
Где стадо мелкое теснится,
Тропинка желтая пылится.

И нив золотая полоса,
И дым белеющих селений,
Благоуханные леса
С немолчным хором песнопений,
И виноградная лоза,
Царица мудрая растений;
Тут мостик легкою дугой
Прыгнул через поток живой.

Над белым паром водопада
Зубцом причудливым скала
В предел пытующего взгляда
Чело на небо унесла.
Там воздух - вольности отрада,
Стезя широкая орла...
Кругом, куда ни кинешь взоры, -
Венцом синеющие горы.

Мне так легко, - я жизнь познал,
И грудь так сладко дышит ею,
Я никогда не постигал,
Что нынче сердцем разумею:
Зачем Он горы выбирал,
Когда являлся Моисею,
И отчего вблизи небес
Доступней таинства чудес!

1843

Нельзя

Заря. Сияет край востока,
Прорвался луч - и всё горит,
И всё, что видимо для ока,
Земного путника манит.

Но голубого неба своды
Покрыли бледностью лучи,
И звезд живые хороводы
К нам только выступают в ночи.

В движенье, в блеске жизни дольной
Не сходит свыше благодать:
Нельзя в смятенности невольной
Красы небесной созерцать.

Нельзя с небрежностью творенья
В чаду отыскивать родства,
И ночь и мрак уединенья -
Единый путь до Божества.

1858

* * *

Кричат перепела, трещат коростели,
Ночные бабочки взлетели,
И поздних соловьев над речкою вдали
Звучат порывистые трели.

В напевах вечера тревожною душой
Ищу бывшего наслажденья -
Увы, как прежде, в грудь живительной струей
Они не вносят откровенья!

Но тем мучительней, как близкая беда,
Меня томит вопрос лукавый:
Ужели подошли к устам моим года
С такою горькою отравой?

Иль век смолкающий в наследство передал
Свои бесплодные мне муки,
И в одиночестве мне допивать фиал,
Из рук переходивший в руки?

Проходят юноши с улыбкой предо мной,
И слышу я их шепот внятней:
Чего он ищет здесь средь жизни молодой
С своей тоскою непонятной?

Спешите, юноши, и верить и любить,
Вкушать и труд и наслажденье.
Придет моя пора - и скоро, может быть,
Мое наступит возрожденье.

Приснится мне опять весенний, светлый сон
На лоне божески едином,
И мира юного, покоен, примирен
Я стану вечным гражданином.

1859

Нежданный дождь

Всё тучки, тучки, а кругом
Всё сожжено, всё умирает.
Какой архангел их крылом
Ко мне на нивы навевает?

Повиснул дождь, как легкий дым,
Напрасно степь кругом алкала,
И надо мною лишь одним
Зарею радуга стояла.

Смирись, мятущийся поэт, -
С небес нисходит жизнь влага,
Чего ты ждешь, того и нет,
Лишь незаслуженное - благо.

Я - ничего я не могу;
Один лишь может, Кто, могучий,
Воздвиг прозрачную дугу
И живоносные шлет тучи.